

Журавлиная родина*

Они поднялись вожжой,
до здешних полей охочи,
над первой седой межой,
над Вьюлкой, Сестрой и Хотчей.
Растягом в широкий клин,
смешались с огромной стаей —
аминь, журавли, аминь!
Навеки ли мы расстались?..
В холодный поток ветров
вплетая тела и клёкот,
летят вожаки на зов
египетских рощ далёких.
Летят... и разлуки грусть
оскоминой сводит сердце...
Родные, счастливый путь!
Глядеть бы, не наглядеться...

Зато как прольётся рань
лучом по низине топкой,
как выпустит цвет герань
в горшке на оконной полке —
как — вздохом одним! — весна
попятит снега к оврагам —
чу, звуков дрожит волна,
чу, в небе гонцов ватага!
Живём, журавли, живём
и что-то на свете можем!
Пусть горло слезами жжёт
и бродит озноб по коже —
такая сквозь душу синь
капелью стекает в вечер...
Аминь, журавли, аминь!
И — талой воды — за встречу!

*Заказник «Журавлиная Родина» в Талдомском районе — единственное место в центре Европейской России, где на осеннем перелёте собираются серые журавли. Это имя дал краю М.М. Пришвин.

Русская элегия

Там, где дышат туманы и солнце лосёнком крадётся,
Где на игры ветвей отзывается омутов глубь,
Не беспечность нирваны, а домик знакомый найдётся,
И на спички и соль по карманам отыщется рупь.

Выпускает не сразу столица из стойких кошмаров:
Зачумлённой толпы, каторжанина спешки — метро,
Но приветит криница, соседка нарвёт гогошаров,
А сосед накопает румяной картошки ведро.

Потечёт разговор — и «За жисть!», и «За мир в целом мире!»,
По антенне покажут любимый волнующий фильм...
Как был ярок Шукшин в обжигающе горькой «Калине»!
— У «сестрёнок берёз» о Макарыче, брат, помолчим...

На изломе веков наши судьбы не запросто гнулись,
Открывается вера обманутым властью сердцам.
Вот бревенчатый храм с колокольней в скрещении улиц,
Где в Родительский день панихиду поют по отцам...

На рассвете река, что жена, к тебе руки протянет...
Ни движенья над ней, лишь следы у воды на песке...
Всё, что было — прошло, всё тяжёлое в омуты канет,
Просыпаются птички в ближайшем от дома леске.

Здесь растёт на душе молодая невинная кожа,
Умягчается взгляд, и смеёшься ты: «Жучка, отстань!»
Что же был ты Москвой столько лет и клеймён, и стреножен,
А теперь возвращён, словно пленник, родимым местам?

И всего-то три дня, и не вырваться дольше до срока.
Но о всём пережитом покойнее думать тебе.
Прокричит над крыльцом лепетунья франтиха сорока,
И подставит диван стариковский пружинный хребет.

Ты увидишь во сне всех, пред кем виноват, и немало.
Покаянную голову, помни, и меч не сечёт!
Разгорается день над низиной смородиной алой,
И неспешное время живую рекою течёт...

Николаю Рубцову

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!

Н. Рубцов

Бегут и бегут перелески,
Стемнело в вагонном окне.
Глядят семафоры-подвески:
Куда это вздумалось мне?..

Уютно звенит подстаканник,
Стучит под ногой колесо.
Я нынче счастливый изгнанник,
Избранник полей и лесов.

Зовёт меня рай комариный,
Угорье и храм над рекой
С проросшей на крыше осиной,
Щемящий вечерний покой...

Черёмуха манит в овраги,
В окошках горят огоньки.

Мне здешнего хлеба в сельмаге
Предложат из серой муки.

Напоят чайком и расспросят
В последней у речки избе:
— Надолго ль? а может, не гостем?
Нашёл бы работу себе...

Хозяйскую скатерть разглажу
И тихо промолвлю в ответ,
Что рад бы, но с бытом не лажу
И денег отстроиться нет.

Пора мне... Чуть стукнет калитка...
Дорога. Туман. Тишина.
А в небе свернулась улиткой
Над спящей деревней луна.

* * *

Родина моя, в часы печали
Я гляжу, как плавно над рекой
Голубыми вёглами качает
Среднерусский девственный покой...

Спит река, объятая прохладой,
Видят рыбы сны на глубине.
В тяжкий час душевного разлада
Тишиной лечиться надо мне.

Над речным туманом, над осокой
Чуть дрожит рубцовская звезда —
Так поэтa вечер одинокий
В слове отразился навсегда.

Отчего-то странно тянут душу
Огоньки знакомых деревень,

Здесь поют на майские «Катюшу»
И с гармонью бродят целый день.

А когда засвищут в ночь Победы
Пойменные асы соловьи,
На побывку с неба, до обедни,
Отпускают воинов к своим.

Мужики хлебнут из мятой кружки:
Поминать убитых — не впервой!
И всплакнут, как водится, старушки,
Затянув «Платочек голубой».

Вот и мне, стоящей у осоки
На мостках в желанной тишине,
На душе уже не одиноко,
Только страшно думать о войне...

Псков — Москва

Эх, Россия!.. Сёла, огоньки,
В сизом небе жёлтые дымки
Изогнулись что хвосты кошачьи...
Тянутся болота и леса...
Убранное поле, голоса
Стай последних кличут или плачут.
Зов могу я только угадать
Из окна вагона... Снова — гать,
Провода над лентою дорожной...
Станция с окошками в резьбе...
Малая зарубка на судьбе,
Тихий вздрог предчувствия под кожей.
Память крови — это ли не чушь?!
Но когда едины все пять чувств
В странном узнавании и боли,

Понимаю: потому жива,
Что ломаю сердце на слова,
Словно хлеб октябрьской юдоли...
Здесь ложится горечь на уста,
Здесь обычный счёт идёт от ста
Километров и потерь военных...
Молчаливо катится состав,
И на север тянутся места,
И комком в груди — стихотворенье...
Порхов, Локня, Жижица... Двина
На маршруте точкою видна.
Чуть мелькнёт, и вот — уже разлука...
Псковщины предзвонная тоска
В ломоте у правого виска
И стоянка на Великих Луках.

Изборск

И быстрые, и медленные воды,
на городище — ветер и простор,
и ясные прощальные погоды,
и августа рябиновый убор,

и робкое дыхание Успенья...
Три Спаса, отзвонившие зарю.

Пусть будет всё по Твоему хотенью —
я медленно и тихо говорю.

Купель охватит обжигом студёным!
Сгорят грехи, и в дар от этих мест
Блеснёт на солнце малый листик клёна —
Родной земли живой нательный крест.

Никандрова пустынь

Вьюнок, кукушкин лён, ползучий белый клевер —
Венка родной земли неяркие цветы.
Влечёт меня к себе прохладный Русский Север
Великой простотой разбросанных святынь.

Люпины, резеда, гвоздика полевая,
Черничные кусты в овражине лесной —
Пути к самой себе вернее я не знаю,
Здесь даже чудеса случаются со мной.

Никандровой тропы уложенные брёвна,
Радоновый родник — бессонный синий глаз!
Пусть ноги устают, но я рождаюсь словно,
В студёную купель ныряя в первый раз.

Малина на подол украдкой брызнет соком,
Докучливый комар нацелит копьецо,
Тень утки промелькнёт в разросшейся осоке,
И двери отворит высокое крыльцо!

Обитель тишины, умерь мои тревоги,
Оставь мои грехи и слёзы осуши!
Я обретаю здесь, у храма на пороге,
Лесной недолгий рай, пристанище души...

Псков

Не Париж, не Лондон, не Мадрид —
Луч на древнем куполе горит.
Говорит из замети веков,
Колокольный взяв из языков,
Псков.

Чужестранкой я не буду здесь:
Этот город — искренность и честь.
В серой шубе тающих снегов,
В опоясе стен и берегов —
Псков.

Стая уток в небе над Псковой,
Плащ рассветный ясно-голубой.
Строгий ход Довмонтовых часов
Отпирает к утрени засов —
Псков.

Здесь прямее плечи, выше дух.
Здесь названья улиц ловит слух —
Воевод и воев из низов.
Город-князь средь русских городов —
Псков...

В полдень Кром распахнут всем и вся.
В Троицком соборе спят князья,
Тишины молитвенный покров
Исцеляет сердце от грехов.
Псков...

Раз Великой долгая рука
Поманила жить издалека —
И меня средь башен и холмов
Встретил брат мой, ласков и суров,
Псков.

Синичка севера

В Москве рябины покраснели —
а значит, ранней быть зиме,
и день июльский днём осенним
сегодня кажется вполне.

Билет плацкартный так ли дорог?
И путь — всего-то ночь одна.
Там вёглы встали на пригорок
и соком брызжет бузина...

Ещё вчера шестое чувство
гнало мечты за горизонт,
а нынче — в полдень светит люстра
и сохнет в ванной чёрный зонт...

И пусть хоть дождь, хоть ветер в клочья
бельё с верёвок оборвёт, —
нас книги ждут у лампы ночью,
а утро к озеру зовёт!

А! Плюнь на это, в самом деле,
столице дань отдав в сердцах!
Мы удерём на две недели,
исчезнем в порховских лесах!

Где с комарьём не будет сладу —
черника спеет в сосняке,
и никаких морей не надо
с такой синичкою в руке!

Ленинградка

Памяти Антонины Михайловны Флярковской

Завитками позднего ампира
Стёкла разукрасила зима.
Вымершие гулкие квартиры.
Лютый холод. Утро. Голод. Тьма.

Женщина в обмотках... баба Тоня!
Ты едва бредёшь, не чуя ног,
На твоих руках уже не стонет
Крохотный двухмесячный сынок.

Ты как тень среди других страдальцев —
Еле-еле бьётся жизни нить.
Надо на Смоленском в одеяльце
Младшего в сугробе схоронить!

Скрыты звёзды напрочь туч рогожей...
Времени река не льётся вспять!
Бабушка, ах, если б было можно
Вам тепла и хлеба передать!

...Путь домой лежит в январской стыни,
Ни собак. Ни галок. Ни огней.
Да вовек твоё святится имя
В беспощадной памяти моей...

Композитору Александру Флярковскому

Листопадная невесомость.
Листья кружатся, не дыша.
Тихо-тихо над крышей дома
Пролетела твоя душа...
Чуть замедлилась у окошка,
Занавеской едва качнув.
Чутко уши воздела кошка
И покинула старый пух.
Я стою и шагнуть не смею.
Лёг под ноги зелёный лист.
Чей-то промельк в конце аллеи.
Чей-то выход из-за кулис...
Я-то думала — всё минуло.
Не расслышишь дочерних слов.
...Пробуждает далёким гулом
Самолётик из облаков...